

турных типов в целом. Совершенно очевидно, что изучение происхождения и эволюции этнических культур и их компонентов необходимо вести наряду с исследованием генезиса отдельных межэтнических форм народной культуры, так как развитие первых теснейшим образом связано с общими и частными процессами культурогенеза.

Я не буду здесь останавливаться на методике такого рода исследований, которая была применена мною в ряде работ¹⁸. Укажу лишь, что методика культурно-генетических исследований требует дальнейшего совершенствования, в частности, улучшения методов относительной и абсолютной хронологизации историко-генетических слоев традиционно-бытовой культуры, методов комплексного использования, наряду с этнографическими, археологическими, письменными, лингвистическими антропологическими и других источников. Недостаточно исследованы и общие закономерности генезиса этнических культур, в частности, роль в этих процессах взаимодействия субэтнических и суперэтнических компонентов культуры, сформировавшихся в условиях различных хозяйственно-культурных типов. Для расширения источниковедческой базы культурно-генетических исследований нужны и новые методы сбора полевых материалов в современных условиях¹⁹.

Таковы несколько замечаний в связи с моим пониманием предмета исторической этнографии и проблем ее культурно-генетического направления.

¹⁸ См. *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии//Сов. этнография. 1970. № 6. 1971. № 5; *его же.* Проблемы генезиса тувинской народной культуры//Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста 1972; *его же.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии//Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук [Чикаго]. М., 1973; *его же.* Проблемы истории жилища кочевников Азии//Сов. этнография. 1976. № 1; Роль экологических факторов в этнокультурогенезе//Тезисы докладов XIX Тихоокеанского научного конгресса. М., 1979. II; *его же.* История народного искусства Тувы. М., 1974; *его же.* (в соавторстве с *М. В. Крюковым*). Седло и стремя//Сов. этнография. 1984. № 6; *его же.* О некоторых закономерностях генезиса этнических культур//Генезис и эволюция этнических культур в Сибири. Новосибирск, 1987.

¹⁹ См. *Вайнштейн С. И.* Культурно-генетическое направление в этнографии и полевые исследования//Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984—1985 годов. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986.

Г. Е. Марков

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЗМ

Статья Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова «Этнография: место в системе общественных наук, школы, методы» продолжает начавшееся еще в 1920-х годах обсуждение целей, задач и существа советской этнографии, ставит ряд больших и актуальных проблем и предлагает пути их решения в связи с насущными задачами современности. В кратком отклике нет возможности рассмотреть все затронутые вопросы, тем более что большинство содержащихся в статье выводов не вызывает принципиальных возражений. Поэтому остановимся лишь на том, что представляется дискуссионным и требует, на наш взгляд, дальнейшего обсуждения.

Обратимся прежде всего к вопросу о месте этнографии в системе общественных наук, ее объекте и предмете, исследовательских задачах.

Совершенно справедливым представляется положение о том, что основным объектом этнографической науки является народ. Но то, что народ отождествляется с этносом, верно, на наш взгляд, только до известной степени, так как характеристика современного народа не может ограничиваться только его этническими признаками. Акцент на последние сводит, как можно думать, предметную область этнографии преимуще-

ственно к одной области, предлагая «рассматривать компоненты этноса (т. е. и народа.— Г. М.) сквозь призму выполнения ими этнических функций» (с. 46). Авторы подчеркивают, что «в силу большей наглядности этнодифференцирующих свойств (этнической специфики) именно такое свойство выступает в качестве основного ориентира для выделения предметной области этнографических исследований» (там же). Эта точка зрения высказывается в еще более категорической форме, когда говорится, что основное ядро предметной области этнографии составляет слой культуры «в широком смысле слова, выполняющий этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура» (с. 47). Таким образом, предмет этнографии оказывается в какой-то степени сведенным к *культуре*, выполняющей этнические функции, что, думается, составляет только часть, хотя и существенную, предмета этнографической науки. Мне уже приходилось писать, что народ как таковой характеризуется отнюдь не только специфически этническими признаками, а значительно более широким кругом явлений¹, из которых этнография исследует, скажем, такие фундаментальные проблемы, как первобытная история народов, история хозяйства, семьи, социальной, общественной организации и другие закономерности развития, которые определяются во многом не этнической спецификой, а общеисторическими закономерностями, хозяйственно-культурным типом и т. п. В связи с этим нельзя не поддержать высказанное В. П. Алексеевым сожаление по поводу того, что выдвижение «этнических общностей разных типов в качестве основных объектов этнографической науки» приобретает программный характер (с. 46, сноска 12). И едва ли можно признать удачной аргументацию предмета этнографии исходя из названия этой науки. Как и любое название, оно субъективно и традиционно (там же).

Для более полного определения предмета этнографии следует, как представляется, остановиться на ее взаимосвязи с историей. Авторы обсуждаемой статьи справедливо отмечают, что этнография «является глубоко исторической дисциплиной» (с. 47). Однако, думается, они не всегда следуют этому основополагающему принципу. Так, не совсем понятно, почему то, что советские ученые рассматривали этнографию как «определенный раздел истории», противопоставляется изучению проблем современности (с. 45). Такого рода противопоставление можно найти и на других страницах статьи. Справедливо утверждая, что этнография является глубоко исторической дисциплиной, авторы несколькими строками ниже пишут, что «этнография имеет исследовательские зоны, выходящие за рамки собственно исторической науки» (с. 47), и присоединяются к мнению, что для «прояснения» прикладных функций этнографии следует перестать трактовать ее только как историческую дисциплину.

Трудно согласиться, во-первых, с необходимостью выводить этнографию за рамки собственно исторической науки и, во-вторых, с трактовкой взаимоотношения этнографии и истории, существа Истории. Создается впечатление, что авторы, возможно, смешивают два различных понятия: Историю (с большой буквы), исследующую основные закономерности общественного развития, что *целиком* включает предмет и задачи этнографии, и гражданскую историю (о которой бегло упоминается на с. 48). Не говоря уже об Истории с большой буквы, но и о той дисциплине, которая именуется «собственно исторической наукой» (с. 47), нельзя согласиться с ее противопоставлением этнографии. Авторы обосновывают это противопоставление таким образом: история «трактует данные о прошлом человеческого общества, хотя и доводит его изучение до современности. Этнография же выступает и как конкретная наука, изучающая этническую специфику жизни современных народов» (там же). Однако, как известно, отрасли гражданской истории: история СССР эпохи социализма, история Новейшего времени в зарубежных странах — изучают

¹ Марков Г. Е. Рец. на кн.: Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии//Сов. этнография. 1981. № 4.

современные процессы и не чуждаются прогнозов. И гражданская история, и этнография имеют как науки общую цель — исследование закономерностей развития тех или иных общественных явлений. Поэтому настоятельно хочется подчеркнуть, что едва ли в этнографии есть исследовательские зоны, выходящие за пределы Истории.

Весьма спорным представляется разделение сфер исследования между социологией и этнографией, согласно которому, первая изучает проблемы социальных связей, социально-классовых отношений, структур и процессов, тогда как вторая — лишь этнические особенности общества (с. 48). Это понимание противоречит не только фактическому положению дел, о чем свидетельствует подавляющая часть публикаций советских этнографов, составляющих гордость нашей науки, но и пониманию этнографии как части Истории — науки, в которой современные процессы познаются на основе анализа прошлого начиная с первобытности, в связи с чем нельзя не вспомнить слова Гегеля о том, что сущность настоящего — это прошлое.

Противоречие между подходом авторов статьи к определению задач социологии и этнографии и пониманием этнографии как исторической науки, предмет и задачи которой далеко выходят за сферу этнической специфики, не может разрешить «этносоциология», которая появилась, кстати сказать, не в наши дни (там же), а была провозглашена научным направлением в начале 1930-х годов Р. Турнвальдом².

Кратко относительно методов этнографической работы. Далеко не бесспорной представляется мысль о том, что «сообщения информаторов вообще, как правило, менее ценный источник, чем непосредственное наблюдение» (с. 57). Вывод этот имеет кабинетный характер, и многолетняя полевая работа позволяет считать, что неправомерно противопоставлять сообщения информаторов непосредственному наблюдению, так как они дополняют друг друга, и нельзя недооценивать значения данных информаторов, тем более, что по ряду проблем полученные от них сведения недоступны непосредственному наблюдению.

Теперь некоторые замечания по поводу историографической части обсуждаемой статьи. Постановка вопроса об истории науки всегда вызывает живой интерес. Целиком хочется поддержать мнение о неопределенности в историографии этнографии понятия «школа» (с. 50). Однако нельзя не заметить, что рассмотрение столь многообразных, сложных и по большей части слабо разработанных проблем историографии этнографии на немногих страницах привело к естественной схематичности и отдельным неточностям. Так, несколько неопределенно звучит утверждение на с. 49: сначала говорится о том, что признание синонимами понятий «этнография» и «культурная антропология» неосновательно; а затем — о том, что между ними «немало общего». Опровержение точки зрения Ю. П. Аверкиевой по этому вопросу требует более глубокой аргументации. Ошибочно приписано В. Эдвардсу и А. М. Амперу введение нового наименования науки — «этнология» в 20-х годах XIX в. (с. 49). В действительности термин «этнология» появился в 1787 г. во Франции, затем быстро распространился в Германии. Неточно утверждение, что *Volkskunde* (народоведение) понимается как наука о *своем* народе (с. 54). Представители народоведения рассматривали и рассматривают его как этнографию всех европейских народов, хотя на практике часто ограничиваются главным образом населением своей страны. Спорным представляется вывод о том, что «созданное К. Уисслером учение о культурных ареалах в известном смысле» подготовило «разработку советскими этнографами теории хозяйственно-культурных типов» (там же). Если говорить об истоках этой теории, то следует обратиться к исследованиям Ф. Ратцеля, а тем более Л. Фробениуса³. Что касается функционализма, то, несмотря на его антиисторизм, едва ли справедливо повторять вслед

² См. Марков Г. Е. История этнографической науки//Этнография. М., 1982. С. 24.

³ См. Марков Г. Е. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии//Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 149 (сноска 9).

за публикациями 1950-х годов утверждение о стремлении его представителей поставить свою науку на службу колониальной администрации (с. 55). Вслед за Б. Малиновским или независимо от него все значительные представители функционализма весьма критически относились к колониальной системе, а тем более не ставили свою науку преднамеренно на службу колониализму⁴.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть важность поставленных в обсуждаемой статье проблем, необходимость совершенствования, а кое в чем, может быть, и перестройки этнографических исследований, что вызывается самой логикой развития науки и практическими потребностями жизни. Но одновременно нельзя не отметить дискуссионности ряда положений, высказанных авторами. В частности, несклонно преувеличенным выглядит утверждение: «с конца 1960-х годов всеобщее признание получило представление о том, что основным критерием для выделения предметной области этнографии должно быть рассмотрение этноса сквозь призму выполнения им этнических функций, прежде всего под углом этнической специфики» (с. 59). Такая точка зрения практически исключает как основу этнографии ее историческую сущность: задачи исследования закономерностей общественного развития в первобытном и раннеклассовом обществе, теорию ХКТ, историю хозяйства, семьи, социальных отношений, общественной организации в доиндустриальных обществах, развивающихся странах, т. е. то, что делает этнографию важным разделом Истории.

Требуется обсуждения и поставленная проблема о «советской школе этнографии» (там же). Все советские этнографы основывают свои исследования на методологии диалектического и исторического материализма. Это общеизвестно, поэтому с полным правом можно говорить о советской этнографии как целостном направлении. Однако марксистская теория отнюдь не исключает весьма различных подходов к исследованию этнографического материала и его интерпретации. Поэтому сужать советскую этнографию до рамок одной школы едва ли верно, так как это противоречит реальному положению дел в науке, тем более, что авторы сами справедливо отметили неопределенность употребления понятия «школа». Ближайшее свидетельство тому — настоящая дискуссия.

Совершенствование науки, перестройка, несомненно, нужны, но на основе глубокого анализа состояния науки. Не следует упускать из виду того, что новое далеко не всегда оказывается истинным, и нет большей опасности, чем принять желаемое за действительное, что может обернуться большими потерями. Думается, перестройка должна заключаться прежде всего в углублении фундаментальности исследований, в повышении качества работ, посвященных наряду с исследованием современных этнических процессов проблемам исторической этнографии, первобытно-общинного строя. Поставлена важнейшая проблема перестройки; пути ее осуществления должны быть выработаны на основе широкого демократического и всестороннего научного обсуждения.

⁴ См., например, *Никишенков А. А.* Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986.

А. С. МЫЛЬНИКОВ

**ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье Ю. В. Бромля и М. В. Крюкова на обсуждение вынесена широкая по своему содержанию проблематика, касающаяся предметной зоны этнографической науки, ее историографии и источниковедения.